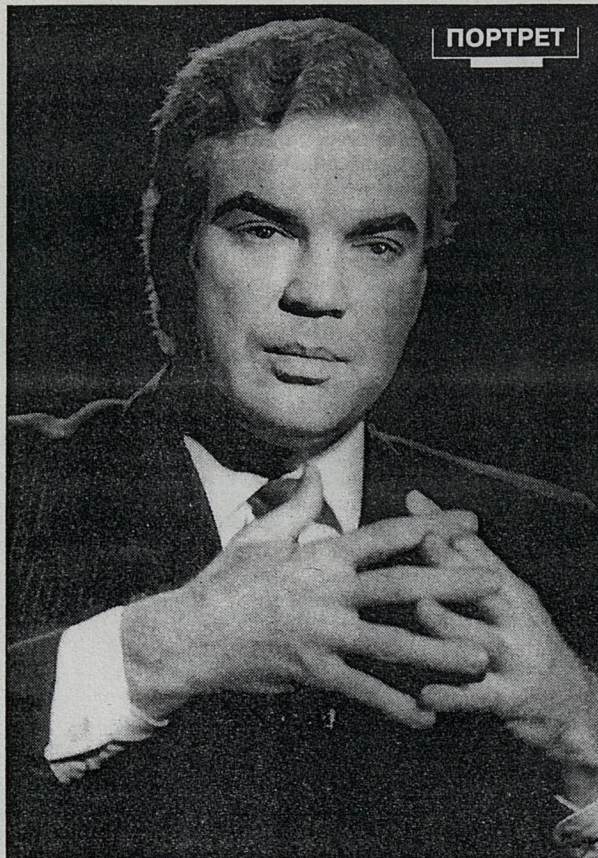

Было время, когда Молчанов был самым популярным ведущим на советском телевидении. Социологические опросы тогда не было, но это первенство было очевидным, и никто его не оспаривал.

Он был на советском телевидении денди, comme il faut для тех, кого семьдесят лет воспитывали как детей кухарки, не управляющей государством. Премьера его программы «До и после полуночи» стала настоящим взрывом, который сотряс и телезрителей, и телевизионное начальство. В середине восьмидесятых он занял нишу, давно растоптанную и зачеркнутую. В сонме героических образов, представленных на витрине советской идеологии, аристократ отсутствовал.

Молчанов попал вовремя и в самую точку. Comme il faut был необходим для новой жизни, и Молчанов стал эталоном, по существу он и был первым «новым русским», которым увлекалась зрительская общественность — без разбора пола, возраста и социального положения. Но потом она же назвала «новыми русскими» совсем других. И Молчанов откатился в сторону: ему не хватало эпатажной, криминальной или миллионерской новизны — именно тех качеств, которые общественность сочла реально «новыми».

Из знаменитых телеведущих перестройки он оказался самым незаметным. В том смысле

ПОРТРЕТ

Владимир Молчанов

Человек, проигравший свою победу...

ле, что, не делая себе громкой рекламы и часто отказываясь от интервью, он сделал свое телевизионное бытие своим личным делом... и постоянно на этом проигрывал. В начале 1991 года — после событий в Вильнюсе — Молчанов отказывается вести программу «Время». Однако ни сам он, ни коллеги-журналисты, которые жаждали потренироваться и взрасти на чужих скандалах, сенсацию из этого не сделали, ограничившись сообщением. А ведь именно в тот период, когда общество охотно и громко поддерживало ущемленных любимцев, телевизионщики не упускали возможности попользоваться результатами гонений: так поступали АТВ, «Взгляд», лично Миткова... (и правильно делали, по новым правилам рыночной журналистики). Между тем в то время Молчанов был практически равновелик по популярности всей команде взглядовцев. Но первый благоприятный момент для дополнительной раскрутки упустил. И дальше тоже не умел или не хотел этими случаями пользоваться.

Последний пример — судебное дело по поводу оскорбления генерала МГБ Питовранова, которого в январской передаче прошлого года Владимир Молчанов назвал одним из виновников гибели Михоэлса. Газеты, в отличие от других судебных процессов с участием «телевизионных лиц», проявили буквально однодневный интерес к этому делу; сам Молчанов его тоже не раздувал. Он этого не умеет или не хочет. Околоэкранный возня не его стиль. Но в таком случае пример Молчанова показывает, что телевизионное

поприще не для того, кого можно назвать русским интеллигентом.

Пожалуй, он был едва ли не единственным из знаменитых тележурналистов той поры, который не захотел делать имя на политике. Хотя именно он вместе с Юрием Щекотихиным провел рискованный по тем временам прямой эфир, открыто говоря о русском фашизме и русском антисемитизме. Но совершив эту акцию и получив довольно сильный резонанс, он все-таки не стал эксплуатировать политику как свою телевизионную тему. Что-то в ней не устраивает Молчанова.

При этом он способен совершить политический демарш, рискуя своей карьерой.

Совсем выпал из зрительской памяти эпизод, быть может, в чем-то решающий для Молчанова: летом 1991 года он снял документальный фильм «Забой». Никакого дендизма в авторе фильма даже не угадывалось. Он изменился в этом фильме так, как редко кто может изменить себя. Потом он вышел во время путча и снимал на московских улицах — зрители и здесь увидели другого Молчанова.

Фильм и перемену в авторе заметили и приветствовали в основном профессионалы. Публика восприняла молчановский искренний «поход в народ» как измену, ей не нужен был Молчанов, перепачканный в саже, похожий на безымянного персонажа из ординарного сюжета новостей. Она хотела на бис исполнение шлягера — Молчанова в образе аристократа. И тем самым его сломала.

Молчанов растерялся.

Вслед за исчезновением с экрана в 1991 году быстро началась неминуемая потеря популярности: зритель не прощает ведущим ни простое, ни межеумочных решений, ни интеллигентских «рефлексий». Телевидению не нужны гамлеты.

Так начался период другого Молчанова, утерявшего гармонию и «связь времен». Он начал тиражировать то, что ему когда-то хорошо удавалось в сюжетах «До и после полуночи»: ходил по дорожкам парков и сидел за хлипкими ампирами столиками с пожилыми русскими князьями, живущими в эмиграции. Их количества хватало бы на много лет из расчета одна прогулка в месяц. Разговоры были монотонны и утомительны, лица и фамилии князей сливались. Молчанов, приличный и почтительный, склонялся над стариками, задавая очередной ностальгический вопрос... Это было неинтересно со второй встречи.

Старо-новая жила исчерпала себя со второго-третьего выпуска. Тогда, по контрасту, он стал спрашивать полунитых русских стариков и старушек и стонать над гнетущей действительностью. Снова вышел перекося. Передачи были все такие же гладкие, но зритель стал холоден.

Он делал программы о своем дачном детстве в Рузе, о сумасшедшем доме в Подмоскowie, о тюрьмах, о Петербурге. Короткое дыхание, тривиальная публицистика с запахом перестроечных упований на исправление общества.

Молчанов пошел в журналисты-проповедники с идеями одинаково полезными и пресными. Он был нужен как первый денди на экране, но как десятый или сотый проповедник?..

В отличие от «звезд», чей закат сопровождается улюлюканьем и свистом восторг, медленный закат Молчанова, совершающийся на глазах телезрителей, вызывал скорее грусть.

Можно со спокойной совестью признать, что, да, на нашем телевидении среди сонма полупрофессионалов есть один очень профессиональный интеллигентный журналист, знающий толк в жанре тележурнала. Есть на ТВ программы откровенно слабые, есть раздражающие — массово-пошлые или снобистские, но все же имеющие своего зрителя. Молчанов, переживший эпоху славы, находится в самом тяжком положении: его передачи не вызывают никаких эмоций, он присутствует на экране как атрибут экрана, как модель самого себя, Молчанова, действующая и в натуральную величину. Но не тот Молчанов, каким он мог бы быть.

Однако, может быть, он найдет в себе силы для новой перемены...

Как сказано у Шварца: когда жизнь кажется сломленной, она вновь поднимает голову.

Лидия ПОЛЬСКАЯ